

Глава 10. Причина

Звуки саксофона, вкрадчиво вступающие в фазе вариаций, обладали особым металлическим магнетизмом. Теплые и мягкие, они напоминали первые лучи солнца, пробивающиеся сквозь утренний туман. Именно под этот аккомпанемент Ло Хуай начал приходить в себя. Он медленно открыл глаза и увидел свет, льющийся из мансардного окна.

Всё казалось до жути знакомым — точь-в-точь как в то утро два года назад. Даже тени ложились на пол под тем же углом. Дурное предчувствие ледяной змейкой полоснуло по сердцу юноши, заставив его резко сесть на кровати.

Резкая, сводящая зубы боль тут же напомнила, что сейчас ему лучше не шевелиться. Но он не мог просто игнорировать тот факт, что перед тем, как окончательно лишиться чувств, снова увидел его...

Стиснув зубы, парень потянулся было, чтобы откинуть одеяло, но его остановил ленивый, чуть хрипловатый голос:

— Советую не дергаться. Если из-за твоей возни раны снова откроются и ты перепачкаешь мне постель... я тебя придушу.

Это был... голос Чу Сюня?

Ло Хуай замер, ошарашенно озираясь по сторонам.

В углу мансарды стоял старый, но на вид весьма уютный диван. Рядом с ним, на стопке классических джазовых пластинок, примостился антикварный граммофон — именно он неспешно изливал в комнату меланхоличную мелодию.

Мужчина, чьи длинные ноги едва уместались на диване, до этого сидел, откинув голову на спинку и прикрыв глаза. Теперь же он неспешно выпрямился и вперил равнодушный взгляд в застывшего на кровати собеседника.

Чу Сюнь молча качнул двумя пальцами в сторону, указывая направо. Смысл жеста был предельно ясен:

— Укройся и ляг обратно.

При обычных обстоятельствах Ло Хуай едва ли стал бы подчиняться, но сейчас недовольство на лице мужчины было почти осязаемым... От него исходила пугающая, необъяснимая жажда крови.

Решив, что злить человека с такой патологической тягой к чистоте сейчас не лучшая затея, Ло Хуай неохотно признал поражение и натянул одеяло до самого подбородка.

Спрятавшись в мягком хлопке и оставив на виду лишь глаза, сиявшие чистотой горного хрусталя, он с нетерпением и какой-то отчаянной надеждой спросил:

— Как я здесь оказался? Нет, не то... Тот человек, что принес меня, он еще здесь? Ты видел его лицо? Узнал имя? Он что-нибудь сказал?..

Чу Сюнь с резким щелчком поднял иглу граммофона. Музыка оборвалась на самой высокой ноте.

Юноша осекся.

Чу Сюнь бросил на него короткий взгляд, неопределенно хмыкнул и протянул:

— И на какой из этих вопросов ты хочешь услышать ответ в первую очередь?

Туман в голове Ло Хуая постепенно рассеивался. Пальцы вцепились в мягкую ткань одеяла, глаза сузились. Голос его внезапно стал пугающе тихим:

— Можешь не отвечать... Это был ты, Чу Сюнь.

— Ведь это был ты, верно?

...

Тишина затянулась. Чу Сюнь поднялся с дивана. На нем была лишь простая белая рубашка; из-за того, что он долго лежал, верхние пуговицы оказались расстегнуты, обнажая бледные, четко очерченные ключицы.

Когда он встал, ворот распахнулся еще шире, на мгновение открыв взору крепкие мышцы живота. Ло Хуай тут же отвел взгляд, принявшись с преувеличенным вниманием изучать белоснежный узор на пододеяльнике.

Чу Сюнь на ходу застегнул пуговицы и, подойдя к кровати, опустился на одно колено. Он бесцеремонно взял юношу за подбородок, заставляя смотреть на себя.

Его взгляд был тяжелым — мужчина явно был не в духе.

Он коротко цыкнул и криво усмехнулся:

— Что значит «это был ты»?..

— За кого ты меня принимаешь?

Он казался искренне задетым этим предположением. Если это и была актерская игра, то она граничила с совершенством.

Но на этот раз Ло Хуаю не стало страшно. Единожды возникшее подозрение крепло с каждой секундой. В конце концов, Чу Сюнь вел себя с ним совсем не так, как с остальными...

Ло Хуай не сводил с него глаз и серьезно переспросил:

— Тогда объясни мне, почему я здесь?

Чу Сюнь некоторое время сверлил его взглядом, после чего насмешливо фыркнул.

Он достал из нагрудного кармана кольцо и бросил его Ло Хуаю.

— Кое-кто отдал мне это и попросил присмотреть за тобой. Теперь понятно? — ледяным тоном бросил он.

Это было то самое кольцо с фамильным гербом, которое Ло Хуай оставил в лесной хижине два года назад. Знак принадлежности к дому Грифон.

Ло Хуай прекрасно знал, что эта безделушка для него бесполезна, и потому выбросил её без капли сожаления.

«Разве может человеческая сущность определяться мертвым куском металла? Те, кто притворяются, будто ты им дорог, возносят тебя до небес, но стоит им охладеть — и сотня колец не поможет»

Однако вид этой вещицы подействовал на него как ушат холодной воды. Если он заплатил такую высокую цену только за голову одного Перси, то когда же он сможет вернуться в Одиннадцатый округ и отомстить?

Ло Хуай медленно сжал кольцо в ладони. Он опустил голову, пряча взгляд, и горько усмехнулся.

Спустя минуту он повернулся к Чу Сюню и, глядя в его бесстрастное лицо, спросил подчеркнуто спокойным тоном:

— И всё же, это правда был не ты?

Объяснение не выдерживало никакой критики, но юноша догадывался, что за этим кроется нечто иное. Появление кольца заставило его окончательно остыть и отбросить лишние эмоции.

Чу Сюнь одарил его мимолетным взглядом.

У него не было веских причин скрываться от Ло Хуая, но правила игры требовали соблюдения приличий перед Системой 059 и сюжетом.

«Пока Ло Хуай не произнесет правду вслух, это не считается провалом маскировки. Я всегда умел облегчать себе работу»

На этот раз он не стал отшучиваться или отпираться, а лишь сухо заметил:

— Разве это важно? Вместо того чтобы выпытывать чужие секреты, лучше подумай, как ты умудрился довести себя до такого состояния.

— Добился ты своей цели или нет, сейчас ты выглядишь абсолютно бесполезным, Ло Хуай.

После этих слов в комнате воцарилась тяжелая тишина. Свет, еще мгновение назад сиявший в глазах юноши, погас.

Но Чу Сюню было всё равно. Он поднялся и небрежно махнул рукой:

— Лежи смирно.

Он уже собирался спуститься вниз, когда Ло Хуай внезапно заговорил:

— Знаю, сейчас не самое подходящее время для таких признаний.

Голос юноши слегка дрожал, слова давались ему с трудом:

— Но мне кажется... я влюбился в одного человека. Он спас мне жизнь два года назад, и поэтому я...

Чу Сюнь замер.

Он обернулся и посмотрел на Ло Хуая с плохо скрываемым недоумением. Его серебристо-голубые глаза казались холодными камнями, зажатыми под толщей льда.

— Влюбился?.. Ты серьезно считаешь, что это важно?

— Хочешь сказать, ты влюбился в человека только по этой причине и потратил уйму времени на эти глупости?

Он говорил тихо, но каждое его слово весило тонну, словно стремясь раздавить хрупкие плечи Ло Хуая.

Чу Сюнь вздохнул и внезапно рассмеялся:

— Как наивно, малыш. Похоже, ты так и не повзрослел.

Тон его был нежным, но слова — беспощадными. Он одним махом обесценил всё то сокровенное, что юноша так мучительно пытался облечь в слова.

Бросив эту фразу, Чу Сюнь скрылся на лестнице, не выказывая ни малейшего желания продолжать разговор.

В комнате осталось лишь гулкое безмолвие.

Чу Сюнь стоял за стойкой бара, обслуживая немногих утренних посетителей. Система 059, которую он заставил молчать полдня, наконец получила возможность высказать всё, что думает.

[Вы только посмотрите, во что превращается сюжет! Если бы главный герой влюбился в «Белый лунный свет», это еще можно было бы пережить, но он любит вас! Вас вообще не должно быть в этой истории!]

Система тяжело вздохнула:

[В случае провала миссии вас вернут в Пустоту. Не делайте вид, Носитель, что забыли об этом]

Чу Сюнь спокойно протирал чистые стаканы.

«Я могу понять тех, кто превращает надежду, обретенную в минуты отчаяния, в смысл жизни. Я лишь не ожидал, что Ло Хуай назовет это любовью»

«Не беспокойся. Любовь — самая ненадежная вещь в мире. Она исчезает так же легко, как и появляется, даже без видимых причин. Особенно если речь идет о чувствах ребенка»

[Но Ло Хуай — не ребенок! Он только что разделался с Перси, пустив сюжет под откос... Если так пойдет и дальше, задание будет провалено]

059 яростно возражал, переходя к критике:

[И я говорил, что вам не следовало его целовать. То есть... это было кокетство? Флирт?]

Чу Сюнь поморщился.

Тут он и впрямь просчитался.

Он всего лишь хотел немного подразнить Ло Хуая — в конце концов, в этой скучной жизни нужно хоть как-то развлекаться. Юноша в тот момент напоминал взъерошенного щенка, который всеми силами пытался казаться колючим, и это выглядело забавно.

Да и внешность Ло Хуая была целиком в его вкусе.

Кто же знал...

[Значит, Ло Хуай вам не нравится, верно?] — внезапно спросила Система.

— Почему же? Очень даже нравится, — лениво отозвался Чу Сюнь. — Просто это не та «любовь», о которой ты думаешь.

Список вещей, которые нравились Чу Сюню, был весьма обширен. Если что-то казалось ему интересным, он находил способ заполучить это в свои руки и играл до тех пор, пока не надоест.

И если уж вещь принадлежала ему, он не позволял никому на нее заглядываться.

С этой точки зрения Ло Хуай занимал в его рейтинге довольно высокую позицию. Настолько высокую, что Чу Сюнь притащил его на себе, возился с перевязками и даже вернул кольцо.

Ло Хуай был забавным, быстро рос над собой и обладал красивым лицом.

Если бы всё оставалось по-прежнему, интерес Чу Сюня мог бы вырасти... или исчезнуть.

Но теперь, когда он узнал о чувствах юноши, Ло Хуай внезапно стал ему скучен.

Быть может, это была лишь мимолетная юношеская страсть или зависимость, порожденная «эффектом подвешенного моста» — в любом случае, мотивы Ло Хуая были пресными, а его

реакция — предсказуемой.

Размышляя об этом, Чу Сюнь вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд и поднял голову.

Ло Хуай, которому было велено оставаться в постели, самовольно спустился вниз.

Видимо, он не нашел подходящей одежды и не придумал ничего лучше, как стащить из шкафа пальто Чу Сюня. Объемная бежевая вязка мягкими складками окутывала его тело, подчеркивая худобу и болезненную бледность кожи.

Он сел напротив Чу Сюня и бросил:

— Налей мне...

— Лимонный чай, — перебил его собеседник.

— Пить алкоголь с такими ранами? С ума сошел?

Ло Хуай молча принял стакан. Из широких рукавов виднелись запястья, обмотанные толстым слоем бинтов, отчего юноша выглядел совсем уж жалко.

Чу Сюнь спросил:

— Раз уж ты притащился сюда, значит, хочешь что-то сказать?

Ло Хуай немного помолчал, после чего решительно вскинул голову и жестом велел Чу Сюню наклониться. Вид у него был крайне серьезный.

Мужчина не стал спорить и подался вперед. Ло Хуай тут же мертвой хваткой вцепился в его запястье. Чу Сюнь опустил взгляд и увидел, как юноша надевает холодное кольцо с фамильным гербом на его мизинец.

Ло Хуай облизал губы — не от смущения, нет, взгляд его был абсолютно твердым.

Когда их лица оказались совсем рядом, юноша медленно заговорил:

— Мои доводы могут казаться тебе неубедительными, но я много думал об этом. Кажется, тебе и не нужны «веские причины».

— Тебе важен только результат.

— Ты прав, любовь — чувство ненадежное, а пустые обещания ничего не стоят...

— Поэтому я предлагаю пари. Ставкой будет кольцо Грифона. Я ставлю на то, что смогу выжить и забрать под свой контроль весь Дом Грифон. И если этот день настанет, я отдам тебе всё, что смогу предложить.

— Если к тому моменту я всё еще буду любить тебя — так же сильно и искренне, — ты позволишь мне быть рядом?

— Пусть сейчас у меня нет веских причин, но в будущем у тебя будет вся возможная выгода... А до тех пор у меня впереди еще целая вечность, чтобы узнать тебя по-настоящему.

— Пойдет?

Чу Сюнь, полулежа на стойке, некоторое время пристально разглядывал Ло Хуая, после чего издал короткий, искренний смешок.

— Слишком много «если»... Но должен признать, Ло Хуай, ты снова стал мне интересен.

Его загадочный взгляд, казалось, затягивал в бездонный водоворот, и Ло Хуай невольно затаил дыхание. Его сердце пропустило удар.

Юноша часто заморгал — только сейчас к нему начало приходить осознание собственного безрассудства. На смену решимости пришла неловкость.

— Я... приму это за согласие. Раз не возражаешь, значит... согласен...

Чу Сюнь долго хранил молчание.

Затем он внезапно протянул руку и ущипнул Ло Хуая за щеку, насмешливо бросив:

— Но Ло, не слишком ли быстро ты меняешь объекты обожания? Только что страдал по тайной любви, а теперь заглядываешься на меня — простого официанта без гроша за душой...

— Я прямо-таки в смятении.

Ло Хуай промолчал, чувствуя, как внутри закипает праведное негодование.

«Что за странная страсть к ролевым играм? Неужели он только от этого и получает удовольствие?»

С этими безрадостными мыслями он сделал большой глоток лимонного чая.

И тут же едва не прослезился от того, насколько кислым оказался напиток.

Чу Сюнь весело расхохотался.

Ло Хуай взглянул на него и, проглотив кислятину, попытался отшутиться:

— «Бедный официант»? Ты это нарочно. Смотри, нажалуюсь на тебя хозяйке бара.

«Бедный официант» Чу Сюнь с притворным ужасом округлил глаза:

— Да как ты мог такое подумать? Неужели правда невкусно? У нас хозяйка очень суровая, не надо жалоб... Слушай, если хочешь, я заглажу вину. Подойди поближе?

Ло Хуай послушно подался вперед.

В ту же секунду Чу Сюнь властно перехватил его за затылок и запечатлел на его щеке мимолетный поцелуй.

Холодное и одновременно нежное прикосновение длилось лишь мгновение.

— Не забудьте оставить хороший отзыв, господин гость, — с улыбкой произнес Чу Сюнь.

Он с удовлетворением заметил, как кончики ушей Ло Хуая мгновенно вспыхнули пунцовым.

Всё шло по плану.

Чу Сюнь подумал, что дразнить Ло Хуая — одно удовольствие... Жаль только, что в одной вещи юноша всё же ошибся.

«На самом деле у него уже не осталось этой «целой вечности», чтобы узнать меня»

Впервые за долгое время Чу Сюнь ощутил нечто похожее на сожаление.

<http://bllate.org/book/15843/1428626>